

Это всегда любовь

АШИРА ХААН

НЕ ЕГО *Меня*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х12

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.*

Иллюстрация на обложке —
ЗАПилим (Матушкина Екатерина)
Художественное оформление —
ЗАПилим (Матушкина Екатерина)

Хаан, Ашира.

Х12 Не его жена : [роман] / Ашира Хаан. — Москва : Издательство АСТ, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-17-191871-2

Лана — любовница мужа своей подруги. Герман — неверный муж, который выбрал тайную страсть вместо семейного уюта.

День за днём они пытаются удержать разбитое счастье, но каждый помнит — цена измены слишком велика.

В переплетении страстей и предательств судьба задаёт непростой вопрос: сможет ли кто-то из них найти свой путь к счастью? Или оно — мираж, недостижимый для тех, кто ступил на зыбкую тропу лжи?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Хаан., 2027

ISBN 978-5-17-191871-2

© ООО «Издательство АСТ», 2027

Двадцать седьмой день без Германа.
Я уже научилась, приезжая на работу и уезжая с нее, не искать взглядом серебристый «Лексус». Научилась, проходя мимо банка, не вглядываться сквозь стекла в общий зал в надежде заметить высокую фигуру. Научилась не думать о нем каждую минуту; бывает, что так увлекаюсь рассказом о новых отелях клиентам, что ничего не трепыхается в сердце целый час, а то и два.

Но я снова курю.

Тайком от мужа. Прячу пачку сигарет на работе, выбегаю в курилку недалеко от входа, стараюсь не курить за пару часов до возвращения домой.

Пока никто ничего не заметил. А мне легче — еще одно занятие, новая привычка в новом мире, не связанном с Германом.

* * *

Это случается именно сегодня. На двадцать седьмой день к торговому центру подъезжает сверкающий черный «Мерседес», и из него появляется Герман.

Я стою в стороне от входа, курю, шурюсь на яркое солнце и не ожидаю такой подставы. Жизнь в тот момент кажется мне не самой плохой штукой на свете.

Но я узнаю его спинным мозгом, поворачиваясь к дороге ровно в тот момент, когда открывается задняя дверца машины. И когда черный ботинок касается черного, расплавленного от жары асфальта, я уже точно знаю, кто это.

Я выдыхаю сизый дым — и забываю вдохнуть. Сердце начинает биться гулко, словно в пустой цистерне. Его я слышу всем телом, а вот прочие звуки вдруг отдаляются, и даже шум дороги и реклама, жизнерадостно орущая из динамиков ТЦ слышны как сквозь вату.

Герман не заходит внутрь — он останавливается и начинает разговор с кем-то. Я даже не могу понять с кем, потому что единственный человек в фокусе — он сам. Остальной мир расплывается и видится дрожащими разноцветными пятнами.

Машинально подношу к губам сигарету, втягиваю дым — и кашляю от вкуса пепла, забившего рот. Она давно погасла, у меня в пальцах только разваливающийся фильтр.

Зажатый в другой руке телефон взрывается мелодией «Summertime Sadness», стоящей у меня на мужа. Хватаюсь за него, словно пытаюсь придушить, и не с первого раза нахожу кнопку выключения. Мне кажется, сейчас Герман услышит мелодию, повернется ко мне и...

И что?

Телефон снова начинает вибрировать, и я подношу его к уху.

— Привет, — говорит Игорь. — Только что звонили из опеки. У них есть девочка, на днях будет суд по лишению родительских прав. Надо забрать ее как можно скорее, чтобы она не успела попасть в систему. Если мы согласны, надо ехать.

Мне надо сосредоточиться и понять, о чем говорит Игорь. Какие-то самые важные нейроны, синапсы и прочие электроны с кварками собираются в сложные фигуры, как команда чирлидеров, и машут мне помпонами: *слушай, слушай, слушай!*

Я честно пытаюсь.

— Где-то через месяц, может раньше, — говорит Игорь. — Нам очень повезло, как раз того возраста, как мы хотели, очень красивая.

— Угу, — говорю я, ничего не слыша.

К Герману подходит другой высокий мужчина в костюме, весь седой, пожимает ему руку, они кивают друг другу. Водитель возвращается за руль, и черный «Мерседес» въезжает на подземную парковку.

— Только у нее третья группа здоровья, — говорит Игорь. — Мне тут прислали целый ворох выписок, я никак не разберусь. Очень извинялись, говорили, что у них записано, что мы хотели не тяжелее второй. Но зато девочка не из системы, у нее не будет психологических проблем детдомовских, может, полегче все пройдет. Да и реабилитация поможет.

— Угу, — говорю я.

Герман поворачивается в мою сторону, и я застываю, словно кролик в свете фар. Сейчас он меня заметит. Может быть, уже меня заметил. Его движения замедлились. Издалека не видно — то ли он внима-

тельно слушает собеседника, то ли смотрит прямо на меня.

Я ничего не чувствую. Я бы, наверное, почувствовала, если бы Герман смотрел на меня?

— Только я через две недели уезжаю в командировку, — говорит Игорь. — Как надолго, не знаю. Давай сразу решим, что поедешь ты. Справишься? Это небольшой поселок рядом с районным центром, там даже гостиница есть.

— Угу, — говорю я.

Герман подхватывает своего собеседника под локоть, разворачивается и уводит его в недра ТЦ. Тяжесть бетонной плиты, навалившейся на грудь, исчезает так внезапно, что я от облегчения прислоняюсь плечом к стене. Зато возвращается вакуум — дыра на месте сердца вытягивает все силы. Последние двадцать семь дней я непрерывно слышу в ушах свист ветра, несущегося сквозь эту дыру.

Меня нет. Есть только она.

— Лан, ты же понимаешь, даже если у нее всего лишь вторая группа, придется много ездить по врачам, оформлять кучу документов, — говорит Игорь. — А у тебя очередной сезон, а если не сезон, то проверки. Ей понадобится поддержка по максимуму первое время, ты не сможешь и работать, и заниматься ею одновременно.

— Угу, — говорю я.

Мне теперь страшно возвращаться. Служебные коридоры, лифты, эскалаторы, толпы людей, текущие мимо магазинов — все это зона риска. Я в любой момент могу столкнуться там с Германом. А я не хочу. *Не хочу.*

— Может, продать твоё агентство? — говорит Игорь.

— Угу, — говорю я. — Стоп, что?!

— Ты сама говорила, что твоя Тина не потянет, всё развалит. Продашь сейчас как успешный бизнес, потом, когда время появится, купишь себе ещё что-нибудь, если захочешь. А так ты будешь нервничать только, глядя, как твоё дело разваливается.

Я прихожу в себя, и вся информация, которой заваливал меня муж, наконец, догоняет меня в полном объёме. Я всё слышала, я даже всё понимала, но сейчас вспоминаю его слова, словно давным-давно просмотренный фильм.

Девочка, поселок, родительские права, третья группа...

— Стоп, Игорь! Почему позвонили именно нам? Поближе никого не нашлось?

— Сказали, что в школе приемного родителя ты показала себя самой ответственной и мотивированной, и, когда выбирали, кому предложить девочку, решили, что это будешь ты.

— Игорь! Слушай! Это хорошая идея, но давай сначала всё обсудим, хорошо? Вечером! Мы же не готовы ещё толком!

— Почему не готовы? Мой кабинет отдаем мальчикам, я буду работать в гостиную, а в детской сделаем ремонт...

— Когда? Какой ремонт? Игорь! Давай вечером, ладно?

— Ладно, конечно! Но ведь как хорошо складывается, согласишься? Три года девочке, как мы и хотели!

— До вечера!

Я выключаю телефон и тороплюсь ко входу в торговый центр. До меня вдруг доходит, что Герман может спуститься сразу в подземный гараж и уехать, а я его так и не увижу.

А мне очень, очень, очень надо увидеть его хотя бы издалека.

Каждое утро я просыпаюсь с горящим под веками отсчетом — *сколько дней прошло с тех пор, как я последний раз видела Германа.*

Каждое утро, еще не открывая глаз, я отмечаю очередную день без него на внутреннем календаре.

Кажется, в детстве я видела какой-то советский фильм про алкоголика, которого укусила собака, поэтому ему надо было делать сорок уколов в живот от бешенства и все это время не пить. Он отмечал каждый день на календаре, зачеркивая их жирными черными крестами.

Больше ничего из того фильма я не помню.

У меня в голове такой календарь — он висит на стене замызанной кухни, и каждое утро я зачеркиваю на нем очередной день жирным черным крестом.

Разница между мной и опустившимся алкоголиком из старого фильма в том, что через сорок дней мне не вернут мою зависимость.

Это теперь навсегда.

За эти двадцать шесть дней случилось слишком много всего.

Умер наш старый кот. Просто остановилось уставшее сердце, и когда мы отдавали его кремировать,

я рыдала так, словно он был моей последней надеждой на лучшее.

Даже немало повидавшие работники похоронной службы для животных полусшепотом посоветовали Игорю вызвать скорую, чтобы мне вкололи успокоительное.

Нельзя так убиваться по коту, сказали они. Особенно при детях.

А я просто выплакивала черное горе, копившееся у меня в душе уже несколько дней.

Я вышла проводить машину и закурила, глядя ей вслед, мысленно извинившись перед котом за то, что использовала его смерть как разрешение плакать при муже и детях.

Ведь по коту плакать можно, а по любовнику нет.

В этот момент Игорь и вспомнил о своей идее взять девочку из детдома.

Вместо кота, надо думать.

Потому что я напрочь отказалась заводить сыновьям собаку, чтобы они «учились ответственности и заботе», как сказал муж.

«Они растут неуправляемыми эгоистами! — сказал он тогда. — Посмотри — они по твоему коту и слезинки не проронили. Вот так и мы умрем, а всем будет наплевать. Я хочу, чтобы хотя бы один ребенок приходил ко мне на могилу».

Я очень смутно помню те дни и до конца не уверена, согласилась я потому, что у меня не было сил на грядущий многочасовой спор, или потому, что надеялась, что после моего согласия муж подарит мне еще одну передышку на полгода.

СЕЙЧАС. Яулирано без тебя

Если второе — я просчиталась. Игорь развил бешеную деятельность: записал нас в Школу приемных родителей, напоминал мне о каждой встрече, добровольно прошел полную диспансеризацию и получил все справки, хотя обычно терпеть не мог связываться с бюрократией.

Он сильно изменился. По выходным вытаскивал меня с сыновьями на прогулки в парк, вечерами затевал настольные игры, стал читать книги по психологии и щеголять модными фразочками типа «я вижу, что ты не в ресурсе».

Словно что-то почувствовал.

Слишком часто смотрел на меня долгим взглядом, в котором читалась жалость.

Но как он мог узнать?

Как?

— Что происходит? — не выдержала я однажды вечером, когда Игорь встретил меня с работы собственноручно приготовленными роллами и грушевой шарлоткой. — Я неизлечимо больна и врачи сообщили об этом только тебе? Ты проиграл нашу квартиру и нас в покер самому главному бандиту города? Ты изменил мне с моей сестрой-близнецом, о которой я не знала?

— Ничего, — пожал плечами муж. — Просто люблю тебя.

— В субботу ты мне подарил любимые духи, хотя там еще полфлакона есть, за день до этого дал мне отдохнуть, забрав детей в аквапарк. Сейчас... это. Что случилось?

— Я просто подумал, что, если буду все время на тебя ругаться за переработки, ты вряд ли за-

хочешь возвращаться домой пораньше. А вот попробуй шарлотку — мне кажется, это причина получше.

Он подошел ко мне, обнял и устроился подбодрком на моей макушке, как любил это делать раньше. От этого давно забытого жеста у меня выступили слезы на глазах. Глухое раздражение, которое Игорь вызывал у меня в последнее время, вдруг резко, щелчком переключилось на жалость и чувство вины.

Я обняла его за пояс, прижалась головой к груди и попробовала вновь ощутить ту близость, что была между нами всегда. Он ведь дарил мне когда-то тепло, которого так недоставало всю мою жизнь. С самого детства.

Мама моя не любила обниматься, и, даже когда делала над собой усилие, начитавшись умных статей о теории привязанности и необходимости телесного контакта с детьми, было очевидно, что она просто терпит.

С подругами обниматься было чуть странно-вато. Особенно слишком часто. Девичьи обнимашки слишком остро напоминали мне дурную сентиментальность из книги «Записки институтки», где героини тискались так, что я подзревала их в чем-то ужасном.

Парней больше интересовал секс, чем обнимашки, а после него они вообще теряли интерес к прикосновениям.

Только Игорь дал мне столько тепла и близости, что я наконец насытилась ею — впервые за всю жизнь. Он никогда не терпел, никогда не гнал меня,

сейчас. Я умираю без тебя

если я залезала «на ручки» и просила утешить меня после нанесенных миром несправедливых обид.

Когда это ушло? Когда я сама стала просто терпеть его объятия?

Его губы коснулись моей макушки так нежно, что по коже разбежались мурашки.

Потом дотронулись до кончика уха.

Потом скользнули по шее...

А потом я вывернулась из его рук и бодрым голосом сообщила:

— Пойду сообщу Никите и Макару, что я все равно слышу, как они строят планы тайком купить себе хомячка вместо собаки! Ну и заодно загоню их спать.

И сбегала, в очередной раз оставляя Игоря растерянно смотреть мне вслед.

Восьмой месяц без секса. Я его понимаю.

Возможно, однажды меня отпустит и я снова захочу лечь в постель со своим мужем.

Или нет — и Герман останется моим последним мужчиной.

Почему-то это не кажется трагедией. Я всегда понимала средневековых дам, хранивших верность своим рыцарям, давным-давно забывшим о них в объятиях других красавиц.

Есть в этом какая-то глубокая внутренняя красота.

Меньше минуты я смотрела на Германа.

Меньше пяти секунд он смотрел на меня.

Если вообще на меня.

Но этого времени хватило, чтобы завести меня так, как ни разу не удавалось мужу.